

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> приятного чтения!

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский

КАРТИНА ПЕРВАЯ
ЛИЦА:

Павла Петровна Бальзамина, вдова.

Михайло Дмитрич Бальзаминов, сын ее.

Акулина Гавриловна Красавина, сваха.

Матрена, кухарка.

Павлин Иваныч Устрашимов, сослуживец Бальзамина. Брюнет, большого роста, лицом мрачен и рябоват.

Бедная комната у Бальзаминовых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзамина (одна, сидит с чулком в руках). У Миши, должно быть, опять какие-нибудь планы в голове. Прибежит из присутствия, пообедает наскоро, да и был таков, и пропал на целый день. Где-то он, бедный, бродит? Должно быть, далеко-далеко куда-нибудь ходит! Придет всегда такой измученный, усталый, и лица-то на нем нет, и не ест ничего, только все вздыхает. Надо полагать, он в Рогожскую бегаёт; а пожалуй что и в Лефортово! Все разбогатеть-то ему, бедному, хочется. Ну, да это ничего, пускай бегаёт; это еще здорово, говорят. Теперь время летнее, дел у него никаких нет особенных; все-таки лучше: пусть на воздухе бегаёт, чем в комнате-то сидеть; да еще и польза может произойти. Только я все что-то боюсь за него; все как-то мне не верится, чтобы он уж очень богатую-то невесту себе нашел. А уж сколько у него к этому делу старания! Даже удивительно это видеть. По его-то старанию ему бы уж давно надо миллионщицу приспособить. Должно быть, счастья нет! Без счастья, сколько уж ни старайся, ничего не выходишь. Говорят, и грибы искать – счастье нужно; а уж невест-то и подавно. Вот был же случай у Ничкиных; а из-за чего разошлись? Так, из пустяков. Нужно же было этому облому приехать! И как на грех его принесло в такое время! Кабы не он, жили бы мы теперь, как сыр в масле катались. Есть же такие злые люди на свете! Ну, что ему нужно было? Себе он пользы никакой не сделал, только Мишу моего обидел.

Матрена входит с письмом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзамина и Матрена.

Матрена. Письмо вот принесли. (Подает.)

Бальзамина. Кто принес?

Матрена. Должно, что почтальон, одет так, по-военному. Говорит: городская почта.

Бальзамина. От кого бы это? Я уж и не знаю.

Матрена. И я не знаю. Да вот что: вы мне дайте письмо-то.

Бальзамина. Зачем тебе?

Матрена. Я догоню солдата-то да назад ему отдам.

Бальзамина. Что ты! как можно назад, когда оно к Мише писано.

Матрена. Должно быть, солдат-то по ошибке занес; часто бывает, что в другой дом

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru заносят.

Бальзаминава. Да я тебе говорю, что к нам. Вот и на адресе написано.

Матрена. Нет, право, лучше назад отдадим от греха. Кто к нам письма писать станет? Кому нужно! Ведь письма-то пишут, коли дела какие есть али знакомство; а у нас что!

Бальзаминава. Какая ты глупая! Ну, слушай: «Его благородию...»

Матрена. Ишь ты, «благородию»!

Бальзаминава. «Михаилу Дмитриевичу Бальзаминову».

Матрена. Ну, да хоть и написано, а все лучше назад отдать; а то еще, пожалуй, солдата-то в ответ введешь перед начальством. Давайте! Что, право!

Бальзаминава (кладет письмо в стол). С тобой ведь не сговоришь. Ты смотри, не вошел бы кто в кухню-то!

Матрена. Украсть-то там нечего, хошь и войдет кто. (Уходит и возвращается.) Там идет кто-то по двору-то.

Бальзаминава. Кто ж такой ?

Матрена. Кто его знает! Черный, долговязый такой. Гляди, приказный; а то кому ж! Словно как он бывал тут.

Бальзаминава. Устрашимов, должно быть.

Матрена уходит. Входит Устрашимов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бальзаминава и Устрашимов.

Устрашимов (кланяется). Михайло дома?

Бальзаминава. Нет. Ушел куда-то.

Устрашимов (подходит к окну и молча, мрачно смотрит на улицу). Да это верно?

Бальзаминава. Ах, батюшка, что мне тебя обманывать-то!

Устрашимов (продолжает глядеть в окно). Бывает, иногда (многозначительно) прячутся. Ну, да ведь это не поможет. Нет, шалишь!

Бальзаминава. Вы такие странные слова говорите, что и понять вас нет никакой возможности.

Устрашимов. Нет, Миша, это, брат, дудки! Атанде-с!

Бальзаминава. Вы мне объясните, в чем ваше дело и что вам угодно: так я сыну и передам.

Устрашимов (со вздохом, продолжая глядеть в окно). Тут, брат, два года хожено. Это не другое что-нибудь. Этого уступить нельзя. Ты моим несчастьем вздумал воспользоваться! Ты рыть яму ближнему! Погоди еще, может быть, сам туда попадешь! Боже мой, боже мой! Как это случилось? Как это могло случиться!

Бальзаминава. Если вы Мишу ждете, так напрасно беспокоите себя: он обыкновенно к ночи приходит.

Устрашимов (оборачивается). Нет ли у вас воды? Разве вы не видите: я ужасно расстроен.

Бальзаминава. Ах, батюшка, какое же мне дело, что ты расстроен!

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Устрашимов (садится). Прикажите мне дать воды! Ну, я вас прошу, наконец.

Бальзаминава. Что ты, угорел, что ли? Матрена, подай стакан воды!

Устрашимов. Да-с, бывают случаи! жизнь не мила, вот оно как-с. Вы этого не понимаете.

Бальзаминава. Где понимать!

Устрашимов. А отчего? Отчего, я вас спрашиваю?

Бальзаминава. Да что ты пристал?

Устрашимов. Все от своей гордости да от женского каприза. Вот отчего-с.

Матрена входит со стаканом воды на тарелке.

Матрена. Кому воды-то?

Устрашимов. Мне. (Берет и в рассеянности, за-думчиво смотрит на Матрену.)

Матрена. Что ты глаза-то выпучил?

Устрашимов (рассеянно). Выпучишь. (Пьет и отдает стакан Матрене.)

Матрена уходит. Устрашимов подходит к Бальзаминовой.

Да-с! Так вы скажите ему, что я был здесь, что я очень расстроен; он поймет. Или нет!... (Подумав.) Вы скажите ему (грозно и с расстановкой), что если он осмелится туда хоть нос показать, так я... Пойдите! Скажите ему, что я ста тысяч не возьму, умру там у ворот... Уж он знает где. Нам двоим жить на свете нельзя. Понимаете вы, нельзя. Либо он, либо я!...

Бальзаминава (отворачиваясь). Надоел, голубчик!

Устрашимов. Да что тут надоел! Вы войдите в мое-то положение.

Бальзаминава. Очень мне нужно!

Устрашимов. Или вот что! Я и забыл. Отдайте ему это письмо. (Достает письмо и подает.) Я его написал на случай, если не застану. Он поймет: знает кошка, чье мясо съела. Ну, да еще он увидит! Он будет меня знать! Я смирный человек; но если дело коснется женщины либо интересу, тогда уж я неумолим. Прощайте! (Уходит.)

Бальзаминава. Что он тут мне наплел? Должно быть, за одной ухаживают. Да, так точно! По его словам-то, так и надо полагать. Ишь ты, еще пугать выдумал! Так его и побоялись! Так ему Миша и уступит! Как же! Тебе ходить мимо окон не мешают, и ты другим не мешай! Кому бог пошлет, того и счастье. Чтой-то на нем больно много этих разных штук нацеплено – и колец, и всего! Должно быть, сам-то интересан, так вот ему и завидно, чтобы другим не доставалось. И письмо-то надо бы за окно выбросить. Как бы только Миша не рассердился. (Прячет в стол.) Я так Мише и скажу: «Нечего тебе на них смотреть; много их тут найдется; а ты свое дело делай. Волка бояться, в лес не ходить! Дома-то сидя, ничего не высидишь! Не пойдут невесты тебя отыскивать; сам должен ходить да искать хорошенько». А то, ишь ты, нагородил тут с три короба, да и думает, что его побоятся. Нет, брат, тут дело серьезное, денежное! Стражаться так стражаться, чья возьмет. Никак, Миша идет?

Бальзаминов входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бальзаминава и Бальзаминов (входит и садится в раздумье).

Бальзаминава. Что это ты скоро воротился, али забыл что?

Бальзаминов (садится). Так, раздумал, маменька. У меня такая примета есть. И уж эта примета самая верная. Если ты идешь и задумал что-нибудь, и вдруг тебе встреча нехорошая: лучше воротись, а то ничего не будет. Если так идешь, без мысли, так еще можно продолжать дорогу; а коли есть мысль – воротись.

Бальзаминова. Какой ты, Миша! Молодой еще ты, можно сказать мальчик, а приметы разбираешь, точно старуха какая.

Бальзаминов. Конечно, маменька, если рассуждать правильно, так все эти приметы – бабья болтовня, вздор; только все-таки в нашем деле нельзя приметам не верить, потому что, маменька, в нашем деле все от счастья, решительно все.

Бальзаминова. Да в каком же это в вашем деле?

Бальзаминов. Да как же, маменька! У другого дело верное, так что ему до примет! Он так наверное и идет, куда ему нужно. А у нас все от случая, все от счастья. Мы никуда наверное не ходим. Иду по улице – вдруг понравился, ну, и богат, и счастлив; не понравился – ну, всю жизнь бедствуй. А ведь это, маменька, с одной стороны, даже заманчиво. Я, бедный молодой человек, решительно голь, ну голь, как есть во всей форме, хожу себе, гуляю где-нибудь и вдруг... Вы только представьте это себе, маменька, вдруг вижу я под окном даму или девицу. Раз прохожу, два – бросаю нежный взгляд; она мне отвечает тем же. Я знакомлюсь через кого-нибудь, и вдруг, представьте, дом этот, в котором я ее видел, – мой; и сижу я поутру за чашкой кофею в бархатном халате... (Быстро встает.) Вот это – жизнь! Боже мой милостивый! И может быть, маменька, мне это счастье суждено; может, оно ждет меня где-нибудь; я только не знаю, где оно: там, или там, или там. Я только не знаю, куда идти, где его искать-то... и вдруг судьба...

Бальзаминова. Мечты ведь это все, мой друг, так все одно – облако.

Бальзаминов. Ах, маменька, зачем вы меня перервали! Вы не знаете, какое это удовольствие – мечтать. Иногда так занесешься, занесешься, даже вскрикнешь: «Эй, четверню закладывать в карету!»

Бальзаминова. Оно, пожалуй, и сладко мечтать-то; да только ничего этого быть не может.

Бальзаминов. Ну, нет, маменька, вы не говорите этого! Как же можно так говорить! Да вот вы увидите, что в нынешнем месяце что-нибудь да уж будет хорошее.

Бальзаминова. Откуда это? Из каких земель?

Бальзаминов. Уж я не знаю откуда, а будет. Вы видели, как я вчера был весел?

Бальзаминова. Ну, так что же?

Бальзаминов. А знаете ли, отчего? Разве уж сказать? Я, маменька, молодой месяц видел с правой стороны.

Бальзаминова. Только-то?

Бальзаминов. Позвольте, позвольте! Вы разве не верите в эту примету?

Бальзаминова. Да как же верить-то! Я сколько раз на своем веку видала месяц-то с правой стороны, а вот ничего не случилось особенного.

Бальзаминов. А вот увидим! Нет уж, я так уверен, что хоть на пари готов. Давайте, маменька, поспорим о чем-нибудь. Если случится что, так вы проиграли; а если не случится, так я.

Бальзаминова. Эх, какой ты глупый! что тут спорить-то! Я уж знаю, что ничего не будет.

Бальзаминов. Подождите, подождите, увидим. А уж если это не сбудется, я не знаю, чему тогда и верить после этого!

Бальзаминова. Ну, да вот заметим давай, с которого числа по которое.

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Бальзаминов. Надо считать, маменька, от нового месяца и опять до нового. В это-то время, маменька, и нужно ждать чего-нибудь. У меня просто сердце не на месте; так вот и жду, так вот и жду каждую минуту...

Красавина входит, Бальзаминов ее не замечает.

вдруг случится что-нибудь...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Красавина.

Красавина. Да и случится.

Бальзаминов (остолбеневши, смотрит на Красавину). Ах!

Красавина (целуясь с Бальзаминовой). Здравствуйте, матушка Павла Петровна!

Бальзаминова. Здравствуйте! Садитесь! Что, опять с вестями?

Красавина. Я, что птица вещая, даром не покажусь!

Бальзаминова. Не опять ли по-прежнему?

Красавина. Уж, видно, не судьба; а я не причинна. Сами видели, я свой оборот сделала; а я за всех не ответчица, коли они всякому в своем доме волю дают. (Бальзаминову.) Ну что, получил? – Бальзаминов. Что получил?

Бальзаминова. Я и забыла; ведь тебе письмо принесли. (Достает письмо.)

Красавина. Про него-то я и спрашиваю.

Бальзаминов. Как это вы, маменька! Вы, должно быть, мне совсем счастья не желаете! Как можно забывать такие вещи! Ведь тут, может быть, вся судьба моя. (Берет письмо.)

Красавина. Тут она и есть.

Бальзаминов. Ну, вот видите! Эх, маменька! Батюшки, не распечатаю никак, руки так и ходят, так и ходят. (С сердцем.) Ну, затряслись! затряслись! Экий характер! экий подлый характер! Сам не рад, ей-богу не рад.

Красавина. Да и есть от чего. Как тут рукам не затрястись! Еще то ли бывает.

Бальзаминов. Да постой ты! я в себя не приду, а ты еще подбавляешь.

Красавина. Да ну тебя! уж и сказать ничего нельзя!

Бальзаминова. Тут тебе еще есть письмо; ну да это не важное.

Бальзаминов. Маменька, маменька! что вы со мной делаете! Боже мой милостивый! До того ли мне?

Бальзаминова. Ну, я его тут на столе положу; после прочитаешь на досуге, это от Устрашимова; он заходил без тебя.

Бальзаминов (распечатывает). Ух! насилу распечатал.

Бальзаминова. Да от кого это? скажите вы мне.

Красавина. А вот, извольте видеть: ходит-бродит он, добрый молодец, по таким палестинам, что другому и на ум не взойдет. Доходился он до край-Москвы, видит он: стоит нов-высок терем; а во этом терему, во купеческом дому, такая пава, что только «ах», да и все тут. Не скажу чтобы красавица, а пышна уж очень. Так пышна, что нынче мало можно найти таких женщин, вот как! Уж именно что на ловца и зверь бежит. Вот он ходил-ходил мимо окон-то, да не будь дурень, амурное

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru письмо и напиши. Да таково складно: я видела письмо-то. Пишет это так учтиво, безо всякого охальства. Другой ведь напишет, просто страм; а это хоть барышне дай, так ничего. От этого письма она и приди в чувство; уж очень ей понравилось, что учтиво пишет-то, что охальства-то никакого нет. А он еще в конце-то стих прибавил: «Взвейся, вихорь-ветерочек, отнеси ты сей листочек в объятия тому, кто мил сердцу моему». А на пакете-то написал: «Лети туда, где примут без труда». Стихом-то уж он ее больше и убедил.

Бальзаминов (все время слушал). Неужели стихом?

Красавина. Стихом. Она в стихи очень верует, потому, говорит, коли что стихами написано, уж это верно: значит, от души человек писал, без всякой фальши. А я и случись тут, как он письмо-то в окошко бросил.

Бальзаминова. В окошко бросил?

Красавина. В окошко. Вижу ее в таких чувствах от его учтивости-то: напишите, говорю, ему на ответ, и адрес твой сказала. Она и написала.

Бальзаминова. Кто же такая?

Красавина. Вдова, Антрыгина. При больших деньгах, а одна как есть. Ну, теперь читай, что тебе на ответ написано.

Бальзаминов (читает). «Вы пишете, что, может, ваше письмо будет неприятно, но ежели бы оно было неприятно, вам бы, напротив того, ничего не отвечали. Поймите из этого! Завсегда видно по поступкам, кто чего стоит; по этому самому ваше знакомство для нас будет очень приятно; то и можете меня видеть в известном вам доме, когда вам угодно. Заочно посылаю вам воздушный поцелуй...» (Перестает читать) Маменька! Что же это такое, я вас спрашиваю? Умереть! Больше ничего не остается. Да я когда-нибудь и умру от этого. (Садится в задумчивости.)

Красавина. Такая женщина, я вам скажу, одно слово – король! И характеру самого слободного.

Бальзаминова. Как же это так, матушка, слободного-то?

Красавина. Так, слободного, да и все тут. Ходит это по комнатам, размахивает руками. «Никого, говорит, я не боюсь, что хочу, то и творю; нет, говорит, надо мной старших!» Да и точно, кого ей бояться? ни мужа у нее, ни отца; одна как есть. Да и сторона же у них такая глухая.

Бальзаминов. Что мне теперь делать? Научи ты меня, сделай милость!

Красавина. Да что тебя учить-то! Приходи уже вечером, вот и все тут; а там уж по делу видно будет, какой оборот вести. Известное дело, зевать нечего! Куй железо, пока горячо!

Бальзаминов. Так прямо и приходиться?

Красавина. Так прямо и приходи.

Бальзаминов. А что говорить?

Красавина. Что в голову придет, то и говори. Если и соврешь что, так не важность; на первый раз не взыщут.

Бальзаминов. Ах, боже мой! Боже мой! Совсем точно потерянный. Понимаю ведь я сам, что теперь нужно делать-то, и другого, пожалуй, научу; да как же мне быть с моим характером-то? Теперь бы поскорей да поумней, так и можно бы дело обделать; а у меня вон руки и ноги трясутся. Вот ты и толкуй тут что хочешь. Такая робость нападает, точно тебя казнить ведут.

Красавина. Кого это робеть-то? бабы-то? А ты напусти на себя еройский дух, вот и все.

Бальзаминов. Хорошо тебе говорить-то: «Геройский дух». А где его взять-то?

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Красавина. Ну, а негде взять, так плохо дело! А я думала, что ты ходишь на эти дела. А еще чиновник называешься, при форме ходишь! Да будь я мужчиной, так я, кажись бы, всех заполонила. (Встает.) Ну, я свое дело сделала, сказала тебе; а там уж ты как хочешь.

Бальзамина. Куда же вы? Посидели бы, чайку бы напилась!

Красавина. А вот мне тут, по соседству, нужно бобы развести; к чаю-то я еще к вам поспею.

Бальзамина. Ну, так я велю самовар поставить да вас поджидать буду.

Красавина (Бальзамину). Ну, теперь ты видел мою службу?

Бальзаминов. Видел.

Красавина. Ты человек казенный?

Бальзаминов. Как казенный?

Красавина. Ну, да так же, казенный! Ведь ты при должности?

Бальзаминов. При должности.

Красавина. Праву знаешь?

Бальзаминов. Какую праву?

Красавина. Таковую же праву, документы там ваши и законы всякие.

Бальзаминов. Знаю.

Красавина. Служит кто задаром али нет?

Бальзаминов. Кому же охота задаром служить!

Красавина. Ну вот видишь ли! Значит, и мне тоже по Москве-то даром трепаться нужда не велика.

Бальзамина. Да уж вы, матушка, об этом не беспокойтесь.

Красавина. Как же не беспокоиться? Кому охота свои труды терять! Ведь этак, пожалуй, добрые люди душой назовут.

Бальзаминов. Ты мне только скажи, что тебе нужно; а уж я ни за чем не постою.

Красавина. А мы вот что сделаем! Ты завтра в суд пойдешь, так принеси лист гербовой бумаги; мы с тобой для верности условие и напишем.

Бальзаминов. Уж ты будь покойна, уж я все... Маменька, что такое деньги? Прах! Нет их – так они дороги; а теперь для меня что они значат? Ровно ничего.

Бальзамина. Ну и мотать-то тоже ничего нет хорошего!

Бальзаминов. Я, маменька, мотать не стану; а пожить – поживу, с шиком поживу.

Красавина. Еще б не пожить! Будет уж, победствовал! Видел нужду-то, в чем она ходит; теперь можно себе и отвагу дать. Однако прощайте! (Кланяется.) Хорошо вам тут разговаривать, вам делать-то больше нечего; а у меня еще дела-то по уши.

Бальзамина. Так я вас жду.

Красавина. Уж теперь ваша гостя. Прощай сокол – вороньи крылья! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бальзаминов и Бальзамина.

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Бальзаминов. Ну, маменька, что вы на это скажете? месяц-то, месяц-то!

Бальзаминова. Что сказать-то тебе? По-моему, еще очень-то радоваться нечему! Еще верно ничего нет.

Бальзаминов. А все-таки, маменька, видно, что она в меня влюблена. И дом, маменька, у нее каменный. Ах, блаженство!

Бальзаминова. Уж и влюблена! Понравился ты ей так, с виду, вот и все. А ты того не забудь, что ты еще с ней ни одного слова не говорил. Что-то она тогда скажет, как поговорит-то с тобой! Умных ты слов не знаешь...

Бальзаминов. Это, маменька, нужды нет. В нашем деле все от счастья; тут умом ничего не возьмешь. Другой и с умом, да лет пять даром проходит; я вот и неумы, да женюсь на богатой.

Бальзаминова. Вот что, Миша, есть такие французские слова, очень похожие на русские: я их много знаю, ты бы хоть их заучил когда, на досуге. Послушаешь иногда на именинах или где на свадьбе, как молодые кавалеры с барышнями разговаривают – просто прелесть слушать.

Бальзаминов. Какие же это слова, маменька? Ведь как знать, может быть, они мне и на пользу пойдут.

Бальзаминова. Разумеется, на пользу. Вот слушай! Ты все говоришь: «Я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «Я хочу проминаж сделать!»

Бальзаминов. Да-с, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминаж лучше.

Бальзаминова. Про кого дурно говорят, это – мараль.

Бальзаминов. Это я знаю-с.

Бальзаминова. Коль человек или вещь какая-нибудь не стоит внимания, ничтожная какая-нибудь, – как про нее сказать? Дрянь? Это как-то неловко. Лучше сказать по-французски: «Гольтепа!»

Бальзаминов. Гольтепа. Да, это хорошо.

Бальзаминова. А вот если кто заважничает, очень возмечтает о себе, и вдруг ему форс-то собьют, – это «асаже» называется.

Бальзаминов. Я этого, маменька, не знал, а это слово хорошее. Асаже, асаже...

Бальзаминова. Дай только припомнить, а то я много знаю.

Бальзаминов. Припоминайте, маменька, припоминайте! После мне скажете. Теперь сбегать в цирюльню завиться, да и бежать. Вот, маменька, полечу-то я, кажется, и ног-то под собою не буду слышать от радости. Ведь вы только представьте: собой не дурна, дом каменный, лошади, деньги, одна, ни . родных, никого. Вот где счастье-то! Я с ума сойду. Кто я буду? Меня тогда и рукой не достанешь. Мы себя покажем.

Бальзаминова. На-ка, вот еще письмо к тебе. (Отдает письмо Устрашимова.)

Бальзаминов (берет письмо и распечатывает). Мы себя покажем, маменька! Мы себя покажем. (Читает.) Боже мой! (С отчаянием садится на стул.) Все кончено, все!

Бальзаминова. Что там еще за беда случилась?

Бальзаминов. Все, все кончено! Нечего теперь и думать и мечтать... Как обухом так и ошаршил.

Бальзаминова. Наладил одно! Да ты скажи мне, что такое?

Бальзаминов. Нечего и завиваться идти. И не пойду. Вот тебе и дом. Точно как я все это во сне видел.

Бальзаминава. Эх, глуп ты, Миша!

Бальзаминов. Да, глуп! Хорошо вам разговаривать-то! Поглупеешь, как вот эдакие письма получать будешь. Я вот сижу, маменька, а ведь я убитый...

Бальзаминава. Да читай! Что за страсти такие!

Бальзаминов. Эко наказание! Ну что я ему сделал? Слушайте, маменька! (Хочет читать и останавливается.) Разбойник! Право, разбойник! (Читает.) «Михайло! я давно слышал, что ты ходишь мимо известного тебе дома; но не верил...» И рожа-то у него, маменька, разбойницкая! (Читает.) «но не верил; я думал, что ты, зная меня, не посмеешь этого сделать. Теперь я сам тебя видел и знаю, что ты кинул в окно записку. Такой подлости я от тебя не ожидал!» В чем же тут подлость, позвольте вас спросить? А он сам разве этого не делает! Откуда ж у него перстни да цепочки-то?

Бальзаминава. Да ты читай!

Бальзаминов. Сейчас, маменька! (Читает.) «Я уж два года знаком с этой дамой...» Кто ж его знал! Разве я знал это?

Бальзаминава. Ну, а если б знал?

Бальзаминов. Разумеется бы, не пошел.

Бальзаминава. А отчего бы это не пойти? Что, он тебе начальник, что ли? Ведь она еще не жена ему! Кому удастся, того и счастье. Ну, читай дальше! А то: «не пошел бы!» То-то вот ты тетеря у меня: вот что мне и горько!

Бальзаминов. Это я, маменька, так сказал. Может быть, я и пошел бы.

Бальзаминава. Ну, что там дальше?

Бальзаминов (читает). «Теперь у нас вышла ссора из капризу...»

Бальзаминава. Вышла ссора. Ну вот и прекрасно! Ты и должен этим пользоваться.

Бальзаминов. Да, как же, прекрасно! Вы послушайте, что он дальше-то пишет. (Читает.) «Но я надеюсь помириться с ней; следовательно, ты мне мешать не должен. Если бы она была поумней, я бы тебя не боялся; а то она по глупости готова всякому дураку кинуться на шею...»

Бальзаминава. И чудесно, и чудесно!

Бальзаминов. Ах, маменька, да уж вы не перебивайте! (Читает.) «По этому самому ты и не смей ходить в ту сторону». Вот он что! (Читает.) «Если тебе жизнь еще не надоела, чтобы и нога твоя там не была!» Как это вам покажется?

Бальзаминава. Небось страшно?

Бальзаминов. А то не страшно? Ведь я, чай, один у вас сын-то! Ну, а вот дальше-то. (Читает.) «А то я тебя изувечу или совсем убью. Так ты и знай! Вот тебе и вся недолга».

Бальзаминава. Что такое? Я недослышала.

Бальзаминов (робко). «Вот тебе и вся недолга!»

Бальзаминава. Скажите пожалуйста! Так вот вас и испугались! Ну, что ж ты молчишь?

Бальзаминов. Что ж мне говорить-то? Точно меня чем ошибло, ничего не помню, из головы все вылетело, словно как пустая теперь.

Бальзаминава. Что ж, ты пойдешь или нет?

Бальзаминов. Как идти-то, маменька? Разве мне жизнь-то не мила, что ли? Как ни

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru бедствуешь, а все пожить-то хочется.

Бальзамина. А дом-то каменный, а лошади, а деньги!

Бальзаминов. Ах, не терзайте вы меня! (Хватает себя за голову.) Что мне делать? Батюшки, что мне делать?

Бальзамина. Так ты в самом деле боишься, что он убьет тебя?

Бальзаминов. Убьет, маменька, убьет! Уж я его знаю. (Стоит задумавшись.)

Бальзамина. А я так думаю, что не убьет. Глупый ты человек, ведь за это в Сибирь ссылают. Кому охота! Побить, может быть, побьет – это я не спорю, коли он сильнее тебя.

Бальзаминов (в задумчивости). Сильней.

Бальзамина. Зато, коли ты понравишься, какой ты ему нос-то натянешь!

Бальзаминов (все в задумчивости). Асаже?

Бальзамина. Да, асаже славное сделаешь.

Бальзаминов (несколько времени стоит молча). Ну, была не была! Прощайте! Побегу завиваться.

Бальзамина. Ступай. Волка бояться, в лес не ходить!

Бальзаминов. Именно! Ну, Устрашимов, посмотрим, чья возьмет! (Уходит.)

КАРТИНА ВТОРАЯ
ЛИЦА:

Анфиса Даниловна Антрыгина, вдова, 30-ти лет.

Анна Прокловна Пионова, ее знакомая, 25-ти лет.

Маша, горничная Антрыгиной.

Бальзаминов.

Устрашимов.

Красавина.

Богатая гостиная в доме Антрыгиной.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Маша (одна; смотрит в окно и кланяется). Павлин Иваныч, здравствуйте! Что? Говорите громче, здесь никого нет.

Голос Устрашимова: «Сделай милость, Маша, узнай, за что на меня твоя барыня сердится?»

Да как узнаешь-то? они не сказывают.

Устрашимов: «Рубль серебром, Маша».

Обманете!

Устрашимов: «Ну, вот еще!»

Побожитесь!

Устрашимов: «Да что божиться; я тебе вперед отдам».

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Ну, хорошо! Уж постараюсь как-нибудь.

Устрашимов: «Так ты вот что: ты как узнаешь, так прибеги в лавочку к заставе. Я буду там дожидаться».

Хорошо, хорошо! (Кланяется.) Прощайте! Отчего сердится? Известно отчего, от ревности. Надо только узнать, к кому она его ревнует. А он-то, бедный, мучится, думает, что она его разлюбит. Не разлюбит, не бойся! Она хоть и прикидывается, будто ей ничего, и какого-то белобрысого чиновника теперь приманивает; а все это только один отвод, помучить хочется. Кабы в самом-то деле захотела бросить Павлина Иваныча, так бы с утра до ночи на тренового короля не гадала. Нет уж, видно, как полюбишь вашего брата, так не скоро развяжешься. Эка эта любовь! И зачем только она сотворена. Уж про нашу сестру нечего говорить – слабое творение; а и мужчины – и те от нее муку видят. А все-таки без любви никто не жилет! И стыда от нее много бывает; случается, что и горя натерпиться, а без нее все-таки скучно. Вот тут у меня как-то переমেжка вышла, так не знала, куда деться от тоски. Хожу как не своя, точно как потеряла что. А как есть предмет, так то ли дело!...

Входит Антрыгина и молча ложится на диван.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Антрыгина и Маша.

Маша. Что это вы, сударыня, какие нынче скучные?

Антрыгина (томно, со вздохом). Так.

Маша. Нет, уж это, сударыня, что-нибудь да не так; прежде с сами этого не было.

Антрыгина. Оттого и скучаю, что мне на свете все надоело, ничто меня в жизни не занимает. И зачем я живу? Я не понимаю.

Маша. Да давно ли это, сударыня? Вы прежде были такие веселые. Даже очень приятно было видеть вас, что вы всегда в хорошем расположении бываете.

Антрыгина. Да, может быть, я и была весела; но только для виду. Я давно поняла, что такое жизнь; следовательно, что же меня может к ней привлекать!

Маша. Вы еще так молоды, сударыня.

Антрыгина. Что ж из этого? Коли я вижу, что все в жизни обман, что никому поверить нельзя, что на свете только суета одна, – что я должна делать? Я должна удаляться от света. С хитростью, с политикой женщина может жить в свете; а с чувством, с нежным сердцем должна только страдать. Следовательно, я лучше буду жить как отшельница, чем за все свое расположение и за свое добро видеть от людей обиду или насмешку.

Маша. Конечно, сударыня, вы это изволите говорить правду, что людям нельзя большого доверия делать, особенно мужчинам; только для чего же из-за этого из-за самого вы будете себя мучить! Разве мало может быть для вас развлечений?

Антрыгина. Каких это развлечений?

Маша. Мало ли, сударыня, развлечений! Можете ехать на гулянье, в гости, у себя гостей принимать, зимой – в театр, в собрание.

Антрыгина. Для чего? для кого?

Маша. А как знать, сударыня, может, вам кто-нибудь понравится, выйдете замуж и будете жить да поживать.

Антрыгина. Я? никогда! Чтобы я когда-нибудь поверила мужчине! Да если он все клятвы произнесет, я и тогда не поверю! (Молчание.) Я в монастырь пойду.

Маша. Что вы, сударыня! Как это можно!

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Антрыгина. А вот увидишь. Уж если я на что решилась...

Маша. Едет кто-то. (Подходит к окну и смотрит.) Военный... к нам в окна смотрит... с аполетами...

Антрыгина. С густыми?

Маша. С густыми.

Антрыгина. Молод?

Маша. Не очень.

Антрыгина. Уж если я на что-нибудь решилась... Да, может быть, это он так взглянул?

Маша. Должно быть. Что-то не оборачивается.

Антрыгина. Ну его! Уж коли я на что решилась, так я и сделаю. Ты еще моего характера не знаешь. Ты, может быть, думаешь, что я буду жалеть о разных глупостях? Как же, нужно очень! Я уж давно все шалости из головы выкинула. У меня и в помышлении-то нет ничего такого. (Задумывается с улыбкой.)

Маша (указывая глазами на карты). Не раскинуть ли?

Антрыгина. Кинь!

Маша. На трефового короля прикажете?

Антрыгина (рассеянно). Ну, да.

Маша (гадает). Очень, очень недурно, сударыня.

Антрыгина. Что там у тебя?

Маша. А вот извольте посмотреть.

Антрыгина (встает и смотрит). И то ведь хорошо.

Маша (со смехом показывая на карту). А вот извольте посмотреть, что здесь-то!

Антрыгина (улыбаясь, смешивает карты). Ах, пустяки какие! Неужели ты веришь?

Маша. Никогда не врут, сударыня. А уж это-то всегда сбывается.

Антрыгина. Ну, болтай еще! Чего ты не выдумашь!

Молчание.

Хоть бы шарманка, что ли, пришла: тоска такая.

Маша. Барыня, подъехал кто-то.

Антрыгина. Беги посмотри, кто такой?

Маша уходит. Антрыгина поправляется перед зеркалом, потом смотрит в окно.

Вчера не приходил и нынче нейдет. Ах, противный! Коли завтра не придет, так надо будет Машу посылать! Пускай она, как будто от себя, и скажет, что я замуж выхожу; вот мы тогда и посмотрим. Ему первому покориться не хочется, потому что мужчины все горды; ну уж и я, кажется, ни за что на свете не покорюсь.

Входят Пионова и Маша.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Антрыгина, Пионова и Маша (у дверей).

Антрыгина. Ах, Анета! Что это ты пропала?

Целуются и садятся.

Пионова. Хорош тебе разговаривать-то, ты сама себе госпожа; а у меня муж, да и дела куча. Я и заехала-то к тебе не надолго, поговорить нужно об одном деле. У нас в доме такая тоска.

Антрыгина. Я воображаю.

Пионова. Поверишь ли, не с кем слова перемолвить. Иногда так нужно бывает, так нужно, а решительно не с кем, ну и едешь к тебе за семь верст.

Антрыгина. Разве есть что?

Пионова. Нет еще, серьезного ничего нет.

Антрыгина. Где поймала?...

Пионова. В Сокольниках.

Антрыгина. Хорош?

Пионова. Недурен. Ну, да об этом после. Что твой?

Антрыгина. Ах, оставь, сделай милость! Я и думать-то забыла о нем.

Пионова. Да отчего с тобой вдруг такая перемена, скажи на милость?

Антрыгина. Оттого, что мерзавец!

Пионова. Ах, Анфиса! Ты ли это говоришь!

Антрыгина. Уж коли я говорю, так, значит, я знаю.

Пионова. Помилуй! Такой прекрасный молодой человек! Так тебя любит!

Антрыгина. Да, любит; оно и видно.

Пионова. Разумеется, видно. Неужели ты в этом сомневаешься? Это ни на что не похоже! И ты до сих пор все его мучишь, все не принимаешь?

Антрыгина. Еще бы! Да и нога его здесь не будет.

Пионова. Что ты! Что ты!

Антрыгина. И таки – никогда, никогда!

Пионова. Ну, уж я не знаю! Ты каменная какая-то! Железо, просто железо! Да и то подается. Чего тебе еще нужно? Красивый мужчина, очень милый, влюблен без памяти...

Антрыгина. Да тебе-то что за дело?

Пионова. Да не могу я этого видеть равнодушно! Делать такие тиранства над человеком, который, может быть, ни душой ни телом не виноват, это ужасно!

Антрыгина. Нет, он стоит, он еще не того стоит!

Пионова. Попался тебе мужчина с кротким сердцем, можно сказать, с ангельским, так его и мучить.

Антрыгина. Хороши ваши мужчины, нечего сказать!

Пионова. Ну, уж и женщины-то ваши тоже хороши.

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Антрыгина. Разумеется, лучше мужчин.

Пионова. Ну, едва ли!

Антрыгина. Про какое это ты ангельское сердце говоришь?

Пионова. Конечно, про Устрашимова.

Антрыгина. Разве у фальшивых людей может быть ангельское сердце? Давно ли это?

Пионова. Кто же сказал, что он фальшивый человек? Против кого он фальшивый человек?

Антрыгина. Решительно против всех.

Пионова. Но только не против тебя. Он такой душка, прелесть что такое!

Антрыгина. Бессовестный!

Пионова. Ангел, а не человек.

Антрыгина. Мерзавец, каких свет не производил.

Пионова. Очарование, что за мужчина!

Антрыгина. Ну и возьми его себе, коли он тебе нравится.

Пионова. Мне не надобно-с. Не извольте обо мне беспокоиться! Конечно, я умею ценить людей, не то что ты. Скажи же ты мне наконец, за что ты на него сердишься?

Антрыгина. Тебе хочется знать? Изволь. Постой, когда это... да на той неделе во вторник – еду я мимо Чистых прудов, вдруг вижу: этот господин идет под ручку с какой-то дамой, садятся на лавочку и так это горячо разговаривают...

Пионова. Да ты хорошо ли рассмотрела?

Антрыгина. Где ж было рассмотреть? Оно бы и нужно было остановиться, да уж я себя не помнила. Во всех членах трясение сделалось. Вместо того чтобы сказать кучеру «стой!» я кричу: «Скорей, скорей!» Как домой доехала, уж не помню. Сейчас же не велела его пускать и писем от него принимать...

Маша уходит.

Пионова. Да, может быть, это не он был. Надо узнать.

Антрыгина. Как же узнать? У него, что ли, спросить? Так он разве скажет! Известное дело, обманет, перевернет все в другую сторону. Нет, уж лучше бог с ним. (Подносит платок к глазам.)

Пионова. А сама плачешь, да вот и трефовый король тут на столе. Значит, ты об нем думаешь.

Антрыгина. И не воображала.

Пионова. Анфиса, помирись с ним! (Целует ее.) Ну, сделай милость! Ну, для меня! Душенька!

Антрыгина. Ни за что на свете.

Пионова. Успокой ты меня! Я ни одной ночи не усну, пока вы не помиритесь.

Антрыгина. Нет, уж у меня другой есть на примете. Выду за него замуж; он же такой скромный, учтивый.

Пионова. И ты решишься это такое варварство сделать?

Антрыгина. Что за варварство?

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Пионова. Да как же не варварство? Променять такого человека на какую-нибудь дрянь.

Антрыгина. Совсем не дрянь. Во-первых, он не то, что другие, он любит меня.

Пионова. Да, как же, любит! Он тебя обманывает, прикидывается только.

Антрыгина. Во-первых, это сейчас видно, кто обманывает; а во-вторых...

Пионова. Да, как же! увидишь ты у них!

Антрыгина. У кого у них?

Пионова. У мужчин. Так тебя проведут, что и не услышишь. Уж обмануть – их дело. Тем только всю жизнь и занимаются. Мы им на жертву созданы; вот они и потешаются над нами.

Антрыгина. У тебя, Анета, семь пятниц на неделе; давеча хвалила мужчин, а теперь уж нехороши стали.

Пионова (горячо). Ну что ж такое! Давеча одно говорила, а теперь говорю другое; а все-таки Устрашимов – бесподобный мужчина, а этот твой новый – дрянь. Устрашимов никогда не позволит себе обмануть женщину, а этот обманывает. Это очень ясно. Вот тебе и все. Да этого и не может быть, чтобы Устрашимов был тебе неверен. Да вот, давай сейчас загадаем на картах, вот все и узнаем. (Раскладывает карты.)

Антрыгина. Гадай, коли тебе хочется.

Входит Красавина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Красавина.

Антрыгина. А, бабушка-старушка! Ну, что скажешь? Была?

Красавина (садится). Была и мед пила, по усам текло, а в рот не попало.

Антрыгина. Ну, здесь попадет. Что же?

Красавина. Сокол в путь снаряжается: чай, скоро прилетит.

Пионова (строго). Анфиса!

Антрыгина. Пускай прилетит, мы его примем как должно.

Пионова (бросив карты). Нет, это из рук вон! Ты так ветрена, так ветрена, ни на что не похоже!

Красавина. А что ж такое в этом дурного, теперича спросить у тебя. Ты еще понимаешь ли, какое это дело, как оно называется? Ведь это – судьба. А что такое судьба? Понимаешь ли ты это? Может, ей на роду написано быть за ним замужем. Так разве можно от своей судьбы бегать? Где это видано?

Пионова. Тебя послушай только! У вас все судьба; все свахи так говорят. Известное дело – в этом вам интерес, вот вы и хлопчете.

Красавина. А что такое сваха? Сваха – великое слово! Не у всякого хватит ума, как его понимать! Если рассудить хорошенько, так нас бы надобно всякими разными чинами жаловать, вот что я тебе скажу. Нами только и государство-то держится, без нас никакое государство стоять не может. Вот оно какое слово – сваха. Не будь нас, ну и конец, и род человеческий прекратится.

Пионова. Не беспокойся, не прекратится.

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Красавина. Где тебе знать! Ты еще молода для этого!

Антрыгина. А что, Гаврилиха, каково они живут? С достатком или нет?

Красавина. Уж какие достатки у приказных! Мне перед тобой таить нечего; живут не больно авантажно. Избушка на курьих ножках, маленько – тово... набок; рогатого скота: петух да курица; серебряной посуды: крест да пуговица. Да тебе что за дело до достатков? У тебя у самой много, тебе человека нужно. Да вот, никак, и он пришел, кто-то в передней толчется. (Встает и заглядывает в дверь.) Войди, ничего, не бойся! Войди, говорят тебе! Чего бояться-то!

Бальзаминов входит и раскланивается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Бальзаминов.

Антрыгина. Здравствуйте, Михайло Дмитрич! Я давно хотела с вами познакомиться и очень рада, что вы пришли. Садитесь, пожалуйста!

Красавина. Ну, и сядь!

Бальзаминов (Красавиной). Да уж я сам-с... (Раскланивается.)

Красавина. И садись, коли просят.

Бальзаминов садится.

Антрыгина. У вас, должно быть, служба не очень грудная?

Бальзаминов. С девяти часов до половины третьего-с; а на дом редко когда дают-с.

Пионова. Оно и видно, что вам делать-то нечего; то-то вы по всей Москве и ходите.

Антрыгина. Ах, какая ты, Анета! Отчего ж и не ходить? Погода теперь прекрасная.

Бальзаминов. Проминаж-с.

Пионова. Хорош проминаж, через нею Москву!

Антрыгина. Разумеется, без цели не стоит ходить. У них, может быть, есть цель; почему ты знаешь! Может быть, им кто-нибудь нравится в этой стороне. Вероятно, вы за этим и ходите в нашу сторону?

Бальзаминов (конфузясь). Да-с, так точно-с!

Антрыгина. Вот видите ли, я и угадала.

Пионова. Мудрено было угадать! (Бальзамину.) А можно вас спросить, кто это вам нравится в этой стороне?

Бальзаминов. Это я должен сохранять в глубине души своей-с.

Антрыгина. И очень вы ее любите?

Бальзаминов. Для моей любви нет границ и нет слов-с, чтобы выразить.

Антрыгина. Вот как! Это, должно быть, очень приятно, когда так любят. Слышишь, Анета?

Пионова. А я так думаю, что оттого и нет слов, что сказать-то нечего.

Бальзаминов. Конечно, кто знает много стихов хороших-с, тот сейчас может прибрать на всякий случай-с; а кто если не знает, как же он выразит свои чувства!

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Антрыгина. А вы много стихов знаете? Я ужасно люблю стихи.

Бальзаминов. Я больше все чувствительными стихами занимаюсь, которые выражают любовь-с и разные страдания. А то много ведь стихов написано теперь и таких, которые ничего не выражают; так те для меня неинтересны-с.

Антрыгина. Скажите какие-нибудь, мы послушаем!

Красавина. Ну, и скажи, послушаем!

Бальзаминов. Прикажете чувствительные?

Антрыгина. Ах, сделайте милость, чувствительные.

Бальзаминов.

Льются слезы, дух мятется,
Томно сердце, томно бьется:
Где любезная моя?
Нет ея!

Красавина. Что-то, брат, нескладно.

Бальзаминов. Есть и другие-с.

Антрыгина. Какие же это такие?

Бальзаминов. Пастух, ищущий своей пастушки. Голос нежный. Так и в книжке напечатано. А то я знаю и жестокие-с.

Антрыгина. Скажите жестокие!

Бальзаминов.

Злой пастух!
Весь твой дух
Ныне пременялся:
Ты иной
Красотой,
Знать, теперь пленился?[1]

Красавина. Да что ты все про пастухов наладил? Нужно очень! Вот невидаль какая!
Ты хорошие какие-нибудь скажи! Про ерцогиню какую либо про принца.

Бальзаминов. У меня дома тетрадь есть для стихов-с. я в нее и вписываю; если прикажете, я принесу-с. Только что хороших стихов достать негде-с, у нас в суде никто этим не занимается, только разве один Устрашимов.

Антрыгина. А вы разве в одном суде служите?

Бальзаминов. В одном-с и даже за одним столом-с.

Пионова. Как я вам завидую.

Антрыгина. Вы, значит, его хорошо знаете?

Бальзаминов. Как же не знать-с? Пять лет вместе служим-с.

Пионова (тихо Антрыгиной). Ну, вот и спроси про вторник.

Антрыгина. Мне хотелось бы от вас слышать, что он за человек. Одна моя знакомая очень им интересуется.

Бальзаминов. Я не знаю, как говорить-с. Как бы не вышло чего.

Антрыгина. А что же может выйти?

Бальзаминов. А ежели он узнает-с.

Антрыгина. Не беспокойтесь, не узнает. А разве он дурной человек?

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Бальзаминов. Одно слово, разбойник-с.

Антрыгина. Как разбойник ?

Бальзаминов. Душегубец-с.

Пионова. Какой вы вздор говорите! Скучно слушать!

Бальзаминов. Помилуйте, какой же вздор, когда есть примеры-с.

Антрыгина (с испугом). Что вы говорите? Ах, боже мой! Он убил кого-нибудь?

Бальзаминов. Нет, не убил-с, а хочет убить до смерти-с.

Пионова. Уж не вас ли?

Бальзаминов. Да, меня-с. Ей-богу! (Антрыгиной.) Только уж вы, сделайте одолжение, ему ничего не говорите-с!

Антрыгина. Да что вы! Я его и не знаю.

Бальзаминов. Нет, это вы нарочно-с. Он сказывал, что вы с ним знакомы, только у вас теперь ссора вышла.

Антрыгина. Ну да! То есть мы были знакомы, а теперь уж все кончено.

Бальзаминов. Это очень хорошо-с.

Пионова. В самом деле? Вам это нравится?

Бальзаминов. Да как же-с! Что же можно от него ожидать, коли он разбойник. Кроме неприятности, ничего-с. Теперь вы представьте себе: за что же он меня хочет убить до смерти-с? За то, что я к вам в дом пришел-с? Так уж ведь это кому счастье-с! Зачем же мне от своего счастья бегать! Притом же, я человек с большим вкусом-с, у меня вкусу-то гораздо больше, чем у Устрашимова, а средств к жизни нету-с. Следственно, я должен их искать. Кабы мне теперь средства-с... А про Устрашимова я бы много мог сказать, да по-товарищески не годится. Я только одно скажу, что человек самой черной души.

Пионова. Вы нам вот что скажите: во вторник Устрашимов был в суде?

Антрыгина. Да, сделайте одолжение!

Бальзаминов. Во вторник? Позвольте-с! Он во вторник был дежурный, целый день в суде-с и ночевал там.

Пионова (Антрыгиной). Ну, что! говорила я тебе.

Бальзаминов. Если человек со вкусом, да не имеет средств, это ужасное положение-с! В мечтах все представляется богатство и даже во сне-с...

Маша показывается в дверях.

Маша. Барыня, пожалуйста сюда!

Антрыгина подходит, говорит шепотом, возвращается и садится.

Пионова (тихо). Что?

Антрыгина (тоже тихо). Письмо.

Бальзаминов. Я говорю-с, когда много вкусу и притом в мечтах...

Антрыгина. Не угодно ли вам по саду погулять.

Бальзаминов. Ничего-с. Мне и здесь хорошо-с.

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Антрыгина. Уж сделайте одолжение! Мне нужно тут заняться кой-чем.

Пионова. И мы сейчас к вам придем.

Красавина. Ну, уж пойдем! Знать, им что-нибудь нужно.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Антрыгина, Пионова и Маша (в дверях).

Пионова. Ну, читай, скорее читай! Антрыгина (распечатывает и читает).
«Милостивая государыня Анфиса Даниловна! Наконец я узнал, отчего происходит ваш гнев на меня. Маша мне все сказала. Но я ни в чем не виноват, в чем вы сами можете легко убедиться. Стоит вам только спросить у кого-нибудь из моих товарищей, где я был во вторник, вам всякий скажет, что я был дежурный. Спросите хоть у Бальзамина, у своего нового обожателя. Он столько глуп, что не сумеет солгать, хотя бы и хотел. Если я и теперь не дожусь от вас ответа или приглашения, то – вы меня знаете, я человек решительный – вам придется отвечать за меня перед богом, правительством и публикой. Мрачную душу мою стерегут злые демоны; я отдал ее им на жертву; я чувствую их приближение. Пистолет заряжен и ждет меня; я с радостью встречу смерть и с адским хохотом закрою глаза свои. Прежде ваш, а теперь ничей, Павлин Устрашимов».

Пионова. Ах, какие чувства! Ах, как ты счастлива, Анфиса, что тебя так любят!
Ах, боже мой! Отвечай ему скорей!

Антрыгина. Что ты разохалась! Я сейчас пошлю за ним, он тут у ворот дожидается.
Маша, позови Павлина Иваныча!

Маша уходит.

Что же мне делать с Бальзаминовым?

Пионова. Я пойду в сад, удержу его. А потом, когда мы придем сюда, он сам увидит, что ему здесь делать нечего.

Антрыгина. Ну и прекрасно.

Пионова (целуя Антрыгину). Милочка! (Уходит.)

Антрыгина садится на диван и смотрит в противоположную сторону от двери. Входит Устрашимов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Антрыгина и Устрашимов.

Устрашимов. Вы меня звали?

Антрыгина. Не стоять же вам у ворот.

Устрашимов (видя, что Антрыгина на него не смотрит, пожимает плечами и отходит к противоположному окну). Что же вам угодно?

Антрыгина. Вы хотели меня видеть: что вам угодно?

Устрашимов. Я хотел перед вами оправдаться.

Антрыгина. Что вам оправдываться! Мужчины всегда правы. Да я совсем и не за то сержусь, за что вы думаете.

Устрашимов. Так за что же?

Антрыгина. Уж я знаю за что.

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Устрашимов. Но однако?

Антрыгина. Всего не перескажешь.

Устрашимов. Если вы меня звали только затем, так прощайте.

Антрыгина (вполовину оборотясь). Куда же вы?

Устрашимов. Для вас, я думаю, это решительно все равно, куда бы я ни пошел!

Антрыгина. По чему же вы так заключаете?

Устрашимов. По всему: по приему вашему, по тому, что у вас здесь Бальзаминов. А впрочем, какое же мне теперь до этого дело! Прощайте!

Антрыгина (взглянув на Устрашимова). Оставайтесь с нами чай пить.

Устрашимов (взглянув на Антрыгину). К чему же мне оставаться? Ну, скажите, к чему? (Кладет шляпу на стол.)

Антрыгина. Вы хотите, чтобы вас просили? Как вы горды!

Устрашимов. Я горд, да, я горд; но не против вас.

Антрыгина. Докажите на деле, что не горды.

Устрашимов. Я вам это доказывал несколько раз и готов доказать когда угодно. (Подходит к Антрыгиной и становится перед ней на колени.) Вы видите, горд ли я! Я ни в чем не виноват перед вами, но я прошу у вас извинения.

Антрыгина молча протягивает руку, он целует.

Вы не сердитесь?

Антрыгина. Встаньте! Не сержусь.

Устрашимов (встает). Вы меня измучили.

Антрыгина (ударяет его по плечу). Кто старое помянет, тому глаз вон.

Устрашимов (обнимает ее и целует в щеку). Ура! Победа!

Антрыгина (сопротивляясь). Что вы! Что вы! Ну войдет кто-нибудь. Какой неосторожный! Обрадовался уж очень! На все есть время.

Входит Пионова.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Пионова.

Пионова (вопросительно смотрит на них). Помирились?

Антрыгина. Помирились.

Пионова (Устрашимову). Я все время за вас заступалась. Вот спросите ее.

Устрашимов (целуя у ней руку). Покорно вас благодарю!

Входят Красавина и Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Красавина и Бальзаминов.

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru Бальзаминов (не замечая Устрашимова). Какой у вас прекрасный сад-с, и всяких цветов очень много-с! Только если бы я был богат-с... (Увидав Устрашимова, остается с открытым ртом.)

Устрашимов. Что ж бы ты?

Бальзаминов. Я бы-с... Как же это? Зачем же-с?...

Устрашимов. Зачем я-то, это очень просто. Ты-то зачем ?

Антрыгина. Да вот все Гавриловна! Навязывается с женихами! И кто ее просит! (Делает красавиной знак глазами, достает из кармана ассигнацию и потихоньку отдает ей.) Я и не думала, а ты тут со сватовством.

Красавина. Ну, кто же тебя знал! Я думала угодить. (Тихо.) Увести, что ль?

Антрыгина утвердительно кивает головой.

(Громко.) Наше дело такое! Где тебе спасибо скажут, а где так и в шею вытолкают. И не рад, да будь готов.

Бальзаминов. Да как же-с, ведь вы поссорились.

Пионова. Они поссорились, они и помирились. Это уж их дело.

Бальзаминов. А как же я-то теперь-с? При чем же-с?

Пионова. А вы знаете русскую поговорку: свои собаки грызутся, чужая не приставай?

Бальзаминов. Извините, я не понимаю-с. В каком смысле-с?...

Красавина. А вот пойдем, я тебе дорогой растолкую.

Бальзаминов. Как-с? так и идти?

Устрашимов. И чем скорей, тем лучше.

Красавина. Уж что тут еще! Видимое дело, что тем же трахтом, да и назад пожалуйста!

Бальзаминов. А как же я маменьке-с... опять же я с правой стороны-с... при всем том...

Все. Прощайте! Прощайте!

Красавина. Ну, совет да любовь!

Бальзаминов раскланивается. Красавина уводит его за руку.

Пионова. И прекрасно, и прекрасно! Вот теперь сядем чай пить.

Антрыгина. Маша, давай самовар.

КОММЕНТАРИИ

Впервые пьеса была опубликована в журнале «Библиотека для чтения», 1861, No 3.

Островский намеревался напечатать «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» в февральском номере журнала «Библиотека для чтения» за 1861 год, но не успел закончить работу к намеченному сроку. А. Ф. Писемский, редактор этого журнала, писал Островскому: «Как ты ни подрезал меня, друг сердечной, но во всяком случае, бога ради, не насилуй себя и не торопись и только по крайней мере – к мартовской книжке изготвь» («А. Ф. Писемский. Материалы и исследования», 1936, стр. 143).

Работу над этим произведением драматург закончил, видимо, в конце февраля или начале марта 1861 года; в письме Ю. Н. Линской от 20 октября 1861 года он упоминает, что «пьеса была готова еще весной» (т. XIV, стр. 90).

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» является второй частью трилогии о Бальзаминове. В ней образ основного героя дополнен некоторыми новыми чертами. Таково, например, пристрастие Бальзаминона к старомодным чувствительным стишкам и «жестоким» романсам, характеризующее вкусы мещанства.

Новая пьеса Островского была встречена враждебно реакционными и либерально-буржуазными критиками. Они объявили, что вторая часть трилогии «несравненно слабее первой» («Праздничного сна – до обеда»), хотя осудили одинаково обе части за «скудость содержания».

Против недооценки этих пьес, надолго упрочившейся в критике, возражал известный драматург Д. В. Аверкиев. Он писал: «Было бы весьма поучительно в двух последовательных спектаклях поставить всю трилогию о Бальзаминове; тогда бы, думается, значение ее уяснилось для многих, ныне слепотствующих на ее счет» (Д. В. Аверкиев, «Дневник писателя», 1886, стр. 252).

В артистической среде пьеса «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» вызвала живой интерес. И, Ф. Горбунов выразил желание играть Бальзаминона. Ведущая артистка Александрийского театра Е. М. Левкеева просила пьесу для своего бенефиса. 16 августа 1861 года Островский писал заведующему репертуарной частью петербургских театров П. С. Федорову: «Если я этой малостью могу услужить г-же Левкеевой, я буду очень рад; она так много способствовала успеху моих пьес, что эту может вполне считать своей собственностью» (т. XIV, стр. 89). Однако пьеса к бенефису Левкеевой театром не была подготовлена, и тогда драматург передал ее по просьбе Ю. Н. Линской для ее бенефиса. Островский высоко ценил Линскую как замечательную комическую артистку, выступавшую в его пьесах с выдающимся успехом.

Первые представления пьесы состоялись почти одновременно в Москве и Петербурге. В Малом театре она шла 27 октября 1861 года, в бенефис С. П. Акимовой. Роли исполняли: Бальзаминон – А. А. Рассказов, Антрыгина – Л. П. Никулина-Косицкая, Бальзаминона – Н. В. Рыкалова и др. Первый спектакль в Александрийском театре был 3 ноября 1861 года, в бенефис Линской, при следующем распределении ролей: Бальзаминон – И. Ф. Горбунов, Устрашимов – П. С. Степанов, Антрыгина – Ю. Н. Линская и др.

По данным А. И. Вольфа, автора «Хроники петербургских театров» (ч. III, СПб. 1884, стр. 78), в последующие годы на Александрийской сцене комедия «Свои собаки грызутся, чужая не приставай», как и «Праздничный сон – до обеда», принадлежала к числу пьес, «чаще прочих иггранных».

Комментарии С. Ф. Елеонского.

1 Злой пастух!... – Стихотворение А. П. Сумарокова, печатавшееся без имени автора в популярных песенниках XVIII – начала XIX века.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!